

Я не стал смотреть на его притворную слабость, обул ботинки, взял ключи и вышел из дома. Перед тем как дверь закрылась, я обернулся. Андрей стоял на границе света и тени, пристально глядя на меня. Его половина, освещенная светом, была такой яркой, словно сияющий ангел. Я не видел выражение его лица, скрытого в темноте.

И не хотел видеть.

Машина доктора У въехала в жилой комплекс, когда я смотрел на луну.

На темно-синем небе висел желтый полумесяц с четкими очертаниями.

Внезапно я почувствовал, что все в этом мире размыто. Только луна, ее свет, небо и все люди, смотрящие на нее, резко и холодно отделены от всего остального. Она такая решительная, такая красивая, в эту весеннюю ночь равнодушно взирает на все ничтожные человеческие чувства и разлуки.

Доктор У поспешно вышел из машины и предложил мне сесть на пассажирское сиденье. В салоне было тепло, а я был слишком легко одет и уже замерз. Он взял плед с заднего сиденья и протянул мне его, с беспокойством спросив:

— Тебе холодно?

Я машинально покачал головой, не отказавшись от его доброты. Он завел машину и спокойно сказал:

— Клиника уже закрыта. Я отвезу тебя к себе домой, хорошо?

Я смотрел в окно, не отвечая, и он больше не спрашивал. У Мянэ обладал особой аурой, он был похож на ту женщину-врача, которой я когда-то доверял, — мягкий, но твердый, с выражением лица, в котором невольно читалось сострадание. Эта почти любящая эмоция была едва заметна, и её сложно было встретить у других, возможно, потому что они слишком часто соперничали своим пациентам.

Свет фонарей быстро скользил по моему лицу. В этом теплом и тесном пространстве, укрытый мягким пледом, я погрузился в пучину растерянности и усталости.

— ...Я сделал слишком много ошибок.

Голос доктора У был спокойным и надежным, он говорил утешительно:

— Все совершают ошибки. И ты, и я.

— Но... я сделал слишком много, слишком много. — Каждое слово отнимало у меня часть сил, но я все же хотел что-то сказать. — Уже не знаю, что делать.

— Цзюньянэ, если ты захочешь рассказать, я постараюсь помочь, как смогу. — Он остановился на красный свет, искренне и мягко глядя на меня. — Нести этот груз в одиночку слишком тяжело. Я хочу помочь тебе разделить его, хорошо?

Я не ответил. Это было не специально, просто я чувствовал себя слишком уставшим. Говорить было тяжело, думать было тяжело, дышать было тяжело, жить было тяжело. Если бы я мог просто уснуть и не проснуться, не сталкиваясь со всем этим.

— Давай рассмотрим это как обычный разговор между друзьями. — Доктор У, вероятно,

заметил мою усталость, тихо сказал. — Поговорим о чем-то легком. Допустим, если бы всё началось заново и ничего плохого бы не случилось, как бы ты хотел прожить свою жизнь? Что бы ты хотел получить от новой жизни?

Я приподнялся, заставляя себя серьезно, очень серьезно задуматься над этим вопросом.

Если бы двадцать два года Сюй Цзюньняня были всего лишь сном.

Если бы была совсем другая жизнь.

— Я хотел бы... многого, не могу сказать точно.

Даже на такой простой вопрос мне было сложно ответить откровенно.

Я хотел сбежать из семьи Сюй, избавиться от их презрительных взглядов, вырасти честным, заниматься тем, что мне нравится. Хотел не быть раненым, не быть полным лжи и грязи, доходя до самоуничтожения, хотел прожить нормальную жизнь.

Я всегда был тихим, даже замкнутым. Когда-то у меня была учительница в начальной школе, которая любила меня. Она видела, как все дети играют на переменах, а я сижу в классе и читаю, и спросила, не обижают ли меня. Я сказал, что мне не нравится играть с ними, я предпочитаю одиночество. Она погладила меня по голове и сказала, что иногда не стоит обращать внимание на мнение других.

Она же сказала мне, что нужно быть честным и добрым человеком. Я хотел быть таким.

Простая причина в том, что такие люди хорошие. Более глубокая причина — мой прагматизм, потому что такие люди нравятся другим, их любят.

Я хотел быть преданным, нежным, бескорыстным. Но я не смог, я четко понимал, насколько я эгоистичен и жесток, и, падая, тянул за собой других. Из-за желания отомстить, из-за минутного порыва, из-за невозможности отпустить, я одного за другим втягивал их в пучину страданий.

Я знаю, что ошибся, но уже слишком поздно. Я хотел исправить, но только делал хуже. Это доброта или злоба? Возможно, потому что ни то, ни другое не было чистым, я страдал так сильно.

А желание быть любимым, даже в этом болоте боли, все еще ярко существовало.

На самом деле, в этом вопросе самое сложное было...

Я хотел быть любимым.

Я открыл рот, но не издал ни звука. Доктор У держал руль, не выказывая никакого недовольства от моего долгого молчания. Он терпеливо и мягко, словно разговаривая с ребенком, сказал:

— Ничего, давай медленно, по одному перечислим. Я слушаю.

Я посмотрел на него и медленно улыбнулся, полной отчаяния улыбкой.

В этом мире, как ты можешь — как ты можешь остановить падение души?

Доктор У достал ключи, открыл дверь и жестом пригласил меня войти первым. Квартира находилась в хорошем районе, стиль был простым и чистым, только на спинке дивана лежали небрежные куртки. Он смущенно улыбнулся:

— Дома я не особо убирался, извини за беспорядок.

Рядом с кем-то, кто поддерживал и утешал, я уже успокоился. Я сел на диван, осматриваясь вокруг, и удивился:

— Наверное, я вторгаюсь... Доктор У живет один?

Он убрал одежду в гардеробную, затем пошел на кухню и принес мне горячее молоко:

— Да, холостяк.

Это было неожиданно. Ведь У Мянью уже за тридцать, успешен в работе, выглядит неплохо, и, казалось бы, не должен быть одиноким. И та надежная и мягкая аура, которая исходила от него, казалось, была результатом счастливой семьи. Он сел напротив меня и объяснил:

— Я разведен, бывшая жена живет с дочерью.

Понятно... Я смущенно сказал:

— Твоя дочь, наверное, очень милая.

— Она очень ко мне привязана, мы с ней очень близки. — На лице доктора У появилась нежная улыбка. Он взял альбом и показал мне фотографии. — Каждый месяц я вожу её в парк развлечений.

Я кивнул, его дочери было около трех лет, она держала сладкую вату и улыбалась, ее круглое личико было очень милым. Когда я отвел взгляд, случайно заметил другую фотографию, на которой была девочка, худая до костей, с пустым взглядом, больше похожая на скелет, что меня напугало.

— Это моя пациентка. — Доктор У заметил мое удивление и тихо сказал. — Она уже умерла.

— Прости. — Я опустил глаза. — Почему она была... такой худой?

— ...Юношеская анорексия. Она была очень милой девочкой, ушла в семнадцать лет. — Голос доктора У был тихим. — Она просила меня, чтобы, если я встречу похожих пациентов, рассказал им её историю, чтобы они серьезно лечились и не довели себя до такого. Тогда она весила всего тридцать с лишним килограммов, попросила меня сфотографировать её, и получилась эта фотография.

Я присмотрелся и понял, что фотография была сделана на «Поляроиде». На ней была девушка с пятнистой кожей и редкими волосами, совсем не похожая на подростка. Но она все же улыбалась, даже с трудом показывая знак «V».

Перед лицом этой жизни, которая хотела жить, но уже ушла, я не знал, что сказать. Доктор У тактично убрал альбом, передал мне чашку с горячим молоком и мягко сказал:

— Любую проблему, пока она не стала безнадежной, стоит попробовать решить еще раз, не так ли? Может быть, путь будет трудным, но если сдаться, то шанса на исцеление уже не будет.

— В прошлый раз ты сказал, что иногда боль занимает всё твое существо. Я думаю, если сердце — это сосуд, можем ли мы каждый раз выпускать немного плохих эмоций и добавлять что-то хорошее? Сначала будет сложно всё рассказать, давай начнем с самого простого, постепенно исцеляя твои раны.

У Мянью положил руку на мою:

— Цзюньянью, ты можешь рассказать о том, что тебя беспокоит больше всего, с самого простого. Поверь мне, я буду самым внимательным слушателем, хорошо?

— Я...

<http://bllate.org/book/16832/1548714>